

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Принцесса леса	8
Глава 1. Сказки и секреты	17
Глава 2. Поль	28
Глава 3. Кругом война	38
Глава 4. Ребенок для мирного времени и неожиданный благодетель	44
Глава 5. <i>Littérature</i>	50
Глава 6. Макс	58
Глава 7. Кукольный дом	68
Глава 8. Побег из кукольного дома	76
Глава 9. Антракт	85
Глава 10. Сальвадор	95
Глава 11. Гала и Сальвадор	108
Глава 12. Все сначала	116
Глава 13. В Париже становится жарко	125
Глава 14. Америка	135
Глава 15. Потери и слава	142
Глава 16. Повседневные чудеса	154
Глава 17. Конец эпохи	159
Глава 18. Исход	173
Глава 19. Метаморфоза	183
Глава 20. Грани таланта	196
Глава 21. Дóма	212
Глава 22. Мадонна Порт-Льигата	218
Глава 23. Переворачивая страницу	225

Глава 24. Новые рубежи	234
Глава 25. Новые увлечения	242
Глава 26. Скандал с Питером Муром	256
Глава 27. Аманда – рок-звезда, Гала – богиня Иштар	261
Глава 28. Замок в Испании	267
Глава 29. Тьма и свет	276
Глава 30. Лестница Иакова	282
Глава 31. Время пожинать плоды	287
Глава 32. Время умирать	293
Эпилог. Последняя сказка	300
Слова признательности	304
Примечания	308

П Р О Л О Г

ПРИНЦЕССА ЛЕСА

Львенок свернулся клубком у Галá на коленях и уютно заурчал. Из-за дверей бального зала были слышны покашливание и шарканье ног — это репортеры и фотографы нетерпеливо ждали, когда их впустят. Сальвадор бережно подтянул ремешок на головном уборе в форме единорога, который мастерил для Гала несколько дней. Чтобы ей было еще удобнее, он взбил огромные подушки из красного бархата, прислоненные к спинке кровати, а потом нежно пощекотал ее под подбородком. Гала улыбнулась. Двери распахнулись. Камеры зажужжали.

Это было в семь часов вечера второго сентября 1941 года, в небольшом калифорнийском поселке Пebbл-Бич. Океанский бриз пах солью и эвкалиптом, молодой месяц висел в чистом ночном небе так низко, что, казалось, вот-вот зацепит верхушки сосен огромного леса слева от самого модного отеля Калифорнии, Del Monte. С минуты на минуту должна была начаться арт-вечеринка четы Дали.

Гала и Сальвадор поселились здесь, в корпусе Pembroke Lodge, в начале июня. В Америке они не прожили еще и года. Двадцать восьмого июня 1940 года войска Гитлера заняли южно-французский город Аркашон, где они тогда работали, и Дали кинулись в Америку вместе с тысячами таких же перепуганных,

сорванных с места европейцев. В спешке и неразберихе они потеряли или бросили почти все, даже самые ценные картины, которые потом забрали немцы. Франция пала, и художественный рынок перестал существовать. Дома у них больше не было, будущее казалось неопределенным, Сальвадор привык изъясняться на дикой смеси каталанского и французского языков и почти не говорил по-английски, да и Галя знала этот язык немногим лучше. Правда, их везде сопровождал покровитель, наследник металлургической компании Phelps Dodge Эдвард Джеймс, но все равно они были беженцами.

Нельзя сказать, что супругов Дали совсем уж никто не знал. Два выдающихся провокационных фильма, «Андалузский пес» (1929) и «Золотой век» (1930), созданные Сальвадором и Луисом Бунюэлем, по праву считались этапными в истории американской киноиндустрии, а тогда она и сама переживала золотой век, потому что каждую неделю кинотеатры посещали почти двадцать миллионов зрителей.

Сальвадору исполнилось тридцать семь лет, и он уже больше десяти из них стоял в авангарде мирового искусства. На его счету было восемь персональных выставок в четырех странах — Франции, Англии, Испании и Америке, — а в 1936 году его портрет украсил обложку журнала *Time*. Напоминающие черные волосы и трость с серебряным набалдашником сделали его для Америки воплощением сюрреализма. Только что, в 1939 году, они с Галой создали павильон «Сон Венеры» для Всемирной выставки в Нью-Йорке, на которой побывали сорок четыре миллиона посетителей и о которой много писали по обе стороны Атлантики.

Обещая, что имя Дали будет «хорошо для бизнеса», Галя, ведавшая всеми делами пары, уговорила владельца отеля Сэмюэля Морзе сделать им скидку, положенную звездам. Морзе, конечно, подпал под гипнотическое очарование глаз «цвета старого золота» — выражение первого мужа Галы, экстравагантного французского поэта Поля Элюара. Но кроме того, Морзе нашел

ее «исключительно разносторонней, находчивой женщиной»¹, хорошо осознающей ценность славы. В распоряжение Дали был предоставлен бесплатный люкс с собственной студией.

Сэмюэль Морзе приходился внучатым племянником другому Сэмюэлю Морзе, который в 1832 году изобрел азбуку Морзе и телеграф. Он много строил на полуострове Монтерей и стал третьим владельцем отеля-дворца Del Monte, возведенного Чарльзом Крокером в 1818 году в испанском стиле. В 1924 году здание пострадало от пожара, но Морзе тщательно отреставрировал его и расширил территорию настолько, что сумел принять нескольких президентов США, в том числе Герберта Гувера и Теодора Рузвельта. К 1941 году Del Monte стал любимым местом членов королевских домов Европы, всемирно известных миллионеров и звезд Голливуда.

Кроме почти девяти квадратных миль^{*} соснового леса, раскинувшегося по пологим холмам и неглубоким низинам, и обсаженной эвкалиптами подъездной дороги, протянувшейся на семнадцать миль^{**} вдоль Тихого океана, здесь были шикарные теннисные корты, скаковой круг и озеро, где можно было покататься на лодке и порыбачить; знаменитое поле для гольфа Пebbл-Бич, сад кактусов из пустыни Аризона, комплекс бассейнов в римском стиле. В них Сальвадор по утрам плавал брассом, держа голову над водой (чтобы не замочить свои длинные, навощенные усы), и, как беззлобно шутил хроникер отеля Герберт Сервин, «напоминал тощего моржа».

Морзе, убежденный, что известность стоит в сто раз дороже рекламы, всеми правдами и неправдами заполучил себе этого лучшего рекламщика Калифорнии. Герберт Сервин продал бы душу за хорошую историю и вместе с женой Дагмар поставил себе задачу поближе сойтись с супругами Дали. Он нередко приглашал их на барбекю прямо во дворе; Герберт жарил мясо, Гала резала салаты, и обе пары узнавали друг друга все лучше

^{*} Чуть больше 23 кв. км. — Здесь и далее примечания редакции, если не указано иное.

^{**} Немного больше 24 км.

и лучше. В своих воспоминаниях Сервин писал: «Дали были так близки, что говорили друг за друга. Она была всецело предана ему. Он полностью зависел от нее»².

Еще на юге Франции Гала и Сальвадор начали обдумывать костюмы и декорации к спектаклю «Лабиринт» дягилевской труппы «Русский балет», и, когда работа над эскизами закончилась, Герберт подбросил им идею рекламной вечеринки в голливудском духе. Падкий на блеск славы Сальвадор тут же согласился. Гала была не в восторге от этой идеи: обладая более «стратегическим» складом ума, она понимала, что подобное мероприятие только оттолкнет публику. Америка, переполненная беженцами чуть ли не из всех стран Европы, готовилась к войне и не пускала уже почти никого. Гала считала, что гораздо лучше было бы провести благотворительный вечер в пользу застрявших там художников.

«Нам с Гала повезло. Другим художникам — нет... У многих нет денег. Дали поможет», — сказал Герберту Сальвадор (он нередко говорил о себе в третьем лице и всегда соглашался с женой). Гала уже позвонила Даниэлю Барру, директору нью-йоркского Музея современного искусства. Барр, который открыл Сальвадора в Париже, в 1930 году, на первой же его персональной выставке в галерее Пьера Колле, и сделал его картину «Постоянство памяти» (со знаменитым изображением мягких часов) главным объектом двух очень удачных экспозиций у себя в музее, охотно поддержал эту идею.

К началу августа почта разослала кинозвездам, светской публике и самым видным жителям Монтерея приглашения на «сюрреалистический вечер в отеле Del Monte в честь сеньора и сеньоры Дали». Ужин стоил четыре доллара, «только коктейли» — два. Гостям надлежало прийти в костюмах в виде образа из своего сна, дикого животного или обитателя леса.

Дали и Гала настаивали, что вечер должен стать произведением искусства, и придумали целое действо внутри инсталляции. Сэмюэль Морзе вспоминал: «Супруги Дали (в основном

Гала) создали новое движение... не знаю точно, что это значит, но его фантазмагорические образы были чудо как хороши».

Туманная фраза Морзе может сбить с толку. В Европе Гала называли матерью сюрреализма, но не одна она основала литературно-художественное движение, которое, подняв на щит бессознательное, штурмом взяло континент в конце 1920-х годов. Другое дело, что два его наиболее видных представителя, ее муж Поль Элюар и легендарный художник-мистик Макс Эрнст, во многом были обязаны Гала своим творчеством и карьерой. Она же стала вдохновительницей и соавтором работы Дали «Параноидально-критический метод» (1931), где он развил идеи «Манифеста сюрреализма» Андре Бретона и впервые выдвинул знаменитый тезис «иллюзия — это реальность».

Однако прирожденный устроитель и рекламщик Морзе понимал, и очень хорошо, какой успех может иметь такая безудержная фантазия в стране, которая только-только оправилась от десятилетней депрессии и готовилась вступить во Вторую мировую войну. Сервину он так и сказал: «Пусть Дали делает что хочет, но... в пределах разумного».

Готовясь к вечеру так же тщательно, как к работе над картиной, Дали составили для Сервина длинный список всего, что понадобится. Журнал *Look* писал, что в нем значились две тысячи сосновых бревен, четыре тысячи пеньковых мешков, две тонны старых газет, двадцать четыре головы животных, изготовленных из папье-маше, и двадцать четыре манекена, какие ставят в магазинах, но без голов, а еще самая большая кровать в Голливуде, дюжина сотен вечерних дамских туфель на высоком каблуке, два грузовика тыкв — обычных и фигурных — и один битый седан «Бьюик»³. Хотелось им еще балетных танцоров и диких животных, в том числе жирафа, похожего на изображенного Дали на картине «Изобретения монстров». И Морзе, и Сервин не сомневались, что для газет этот материал станет настоящей сенсацией.

Банкир и филантроп Герберт Флейшхакер, патронировавший Зоологический сад Сан-Франциско, был большим другом Герберта Сервина. Он согласился провести для Дали двухчасовую экскурсию. За это время художник успел шарахнуть от грозно рыкнувшей на него тигрицы, когда он потянулся ее погладить («Вполне по-женски», — заметил он), и подружиться с очень мирным жирафом. Из двадцати животных для вечера отобрали девятнадцать: Флейшхакер пожалел грациозного жирафа и не позволил забирать его из зоопарка.

* * *

В выпуске от двадцать пятого августа, за неделю до громкого события, журнал *Newsweek* сравнил Дали с Леонардо да Винчи, который в 1518 году организовал пышное празднество для Лоренцо Медичи. Через четыре дня газета *The Monterey Herald* поместила фотографию, на которой Сальвадор обсуждает предстоящий вечер с Дороти Спрекелс, чья семья в 1880-е годы основала сахарную промышленность на Гавайях. В тот же день местный журнал *Game & Gossip* получил разрешение сфотографировать, как Сальвадор, в круглых зеркальных очках, подобранных для него Гала, красит в синий цвет длинные светлые волосы дочери Сэмюэля Морзе Мэри и скалывает булавками декольтированное вечернее платье на самой Гала.

Дата вечера приближалась, и два десятка мастеров принялись за подготовку бального зала отеля Del Monte. Вдоль стен выстроились две тысячи добытых на лесосеках стволов. От пола до потолка громоздились пеньковые мешки, набитые старыми газетами и изображавшие пещеру. Гигантскую кровать из немого фильма 1925 года «Веселая вдова» с Мэй Мюррей в главной роли доставили из Голливуда и разместили в торце длинного стола. Гала должна была ужинать в постели — в кругу гостей и как бы во сне: в волшебном лесу, который выдумали они с Сальвадором.

Кровать задрапировали красным атласом и бархатом, а по обеим сторонам обитого красным бархатом изголовья поместили два латных доспеха, достойных рыцарского турнира. Искореженный кузов «Бьюика» поставили так, чтобы его было видно с кровати. Колонны обвили гирляндами синих лампочек, украсили еловыми ветвями, и в пещере стало сумрачно. Головы животных из фильма «Сон в летнюю ночь» прикрепили к голым манекенам. Когда доставили тысячу двести тувель, шеф-повар, которому предстояло разложить в них бумажные пакеты с салатом из крабов и авокадо, пошутил, что на закуску лучше было бы подать «заливное из ножек».

В отеле уже не было свободных номеров, а желающих попасть на вечер не убавлялось. От Пebbл-Бич до Голливуда было пять с половиной часов езды, но Миллисент Роджерс, Кларк Гейбл, Джеки Куган, Эдвард Робинсон, Боб Хоуп, Бинг Кросби рвались участвовать в действе Дали и обещали приехать. Альфред и Альма Хичкоки, целая толпа миллионеров, в том числе и семнадцатилетняя Глория Вандербильт, летели с Восточного побережья. Билетов распродали больше тысячи.

Столы пришлось расставлять в холлах и помещениях рядом с залом, потому что он вмещал только несколько сотен человек. Дали решил, что те, кому не достанется мест в зале, смогут заходить в него и прогуливаться между столиками, играя определенную роль. Им предстояло изображать лесных обитателей.

К полудню второго сентября все было готово. Для каждого звероголового манекена было подобрано свое место. На столах в продуманном художественном беспорядке красовались разнокалиберные тыквы. Ручного дрессированного медведя и тигра в клетке до поры до времени спрятали за деревьями. Дикобраз в удобной клетке стал одним из украшений ложа, на котором должна была ужинать Галя с избранными гостями. В полумраке резвились беломордые обезьяны-капуцины.

К половине шестого Дагмар закончила костюм Сальвадора, нашив на его рубашку изображения человеческих органов.

К шести приехала изящная модель-брюнетка, ей Дали уготовил роль жертвы автомобильной аварии. Она разделась и улеглась в машине, где, дав ей легкое снотворное, ее засыпали листьями. Гостей зазывали полюбоваться на обреченную красотку. Без четверти семь врач отеля Маст Вольфсон пришел помочь Дали облачить танцоров в костюмы из бинтов. Дали полагал, что американцы часто попадают в аварии, и придумал номер, где танцоры Шарлотта Мэй и Берт Харгер выбирались из-под искореженного крузова и исполняли немислимое па-де-де.

Без чего-то семь на столы поставили ледяные скульптуры животных, а свежие белые магнолии прикрепили к изголовью кровати, где уже возлежала сияющая от радости Галя с пяти-месячным львенком под боком. В семь часов кинохроникерам студий Paramount, Pathé Newsreel и Universal разрешили снять общие планы и занять свои места. Журнал *Life* планировал поместить у себя большой материал под названием «*Life* идет на вечеринку» и прислал своего ведущего репортера Герберта де Руса. Заранее прибыть разрешили журналистам *Look* и Робинсону Джефферсу, знаменитому на Западном побережье поэту, который намеревался сделать большой обзор арт-вечеринки Дали.

Остальные гости прибыли к восьми часам, и не успели они занять свои места за столами в компании звероголовых манекенов, как их приветствовал жуткого вида дуэт Харгера и Мэй. Официанты, переодетые медсестрами, разносили сначала закуски – крабовый салат, сервированный в атласных тувельках, потом двойное консоме, сардину а-ля Дали или бифштекс форестье с гарниром из диких грибов. На десерт предлагалось нечто под названием «Сюрреалистическое купе», но гвоздем программы стало блюдо, накрытое крышкой и поставленное перед актером Бобом Хоупом. Стоило ему приподнять крышку, как из-под нее высыпало целое стадо живых лягушек. Все расхохотались. В конце ужина Сальвадор, игравший роль официанта Галя, галантно вручил ей огромную бутылку из-под

Соса-Сола с большой соской. В бутылке было теплое молоко, которое досталось проголодавшемуся львенку.

После ужина пришел черед танцев. Гости водрузили на головы рога, кто — побольше, кто — поменьше. Кто-то напялил маску гориллы. Глория Вандербилт была в аккуратных темных очках «кошачий глаз». Веселились всю ночь, и назавтра *The Monterey Herald* отчиталась, что «к утру почти все именитые гости напились до чертиков». В своих воспоминаниях Морзе писал: «Мне довелось побывать на самых разных вечерах, иной раз поистине фантастических, но этот превзошел все ожидания. Все только и говорили о Гала и Дали. Им хватило одной ночи, чтобы прославиться».

Он оказался прав. Благодаря этой вечеринке обаяние Дали выплеснулось за рамки художественного мира и завладело умами и сердцами американской публики. Целую неделю миллионы восторженных поклонников в кинотеатрах по всему миру поедали глазами кадры кинохроники с Гала в образе сказочной принцессы из волшебного леса.

Конечно, все гадали, кем же была эта загадочная чаровница в головном уборе-единороге⁴.

СКАЗКИ И СЕКРЕТЫ

Гала, человек настолько закрытый, что друзья называли ее сторожевой башней, любила окружать себя тайнами. От нее часто можно было услышать: «Секрет моих секретов в том, что я их не разбалтываю». Неизвестно даже, когда она родилась. В аттестате на звание домашней учительницы указана дата — 26 августа 1894 года, — но Майкл Стаут, адвокат Дали с конца 1970-х, считал, что есть основания полагать, что год был 1890-й.

Она появилась на свет в России, огромной империи, привольно раскинувшейся от Швеции и Балтийского моря до самого Тихого океана, где широкий Берингов пролив отделяет Сибирь от Аляски. Три четверти территории приходилось на Азию, и потому многие европейцы находили в ней гораздо больше общего с Китаем, чем с собой.

В 1613 году первый царь из дома Романовых, Михаил Федорович, поставил своего отца, Московского патриарха Филарета (Федора Никитича Романова-Юрьева), во главе Русской православной церкви, и с тех пор она стала едва ли не могущественнее самого государя, с которым, правда, тесно взаимодействовала. Вот почему, хотя династия, чья история началась три с половиной века назад, когда боярин Роман Юрьевич Захарьин сумел выдать свою дочь за самого Ивана Грозного, успела к тому времени значительно ослабеть, Николай Александрович,

восемнадцатый по счету Романов на престоле, искренне считал себя представителем Бога на земле. В России ему принадлежало все и вся. Его подданные, люди простые, трудовые, почти все очень бедные, считали себя чадами Бога, который живет где-то там, на небе, но здесь, на земле, их отцом, иначе говоря — батюшкой, был он.

После смерти Екатерины II в 1796 году монархия становилась все более реакционной. Она не находила общего языка ни со своими мыслителями и просветителями, ни с большинством представителей дворянства. Гражданские права почти перестали существовать после 1881 года, когда дед Николая, Александр II, пал от рук террористов, пережив до этого шесть покушений. К 1890 году политический климат сделался явно нездоровым.

Из всех великих держав Россия была наименее развитой. В Европе промышленная революция закончилась уже давно, а здесь экономика так и оставалась аграрной, сильно зависимой от труда крестьян, составлявших больше трети населения страны. Большинство их жило в самоуправляющихся сельских общинах. Кроме сельскохозяйственной продукции, страна производила сырую нефть, сахар, текстиль. Почти все рельсы, вагоны, паровозы, стрелочные переводы для роскошных русских поездов, воспетых на весь мир в романе «Анна Каренина», завозились из Франции. Она была ближайшим союзником России, а царская семья, придворные, дворянство и интеллигенция свободно говорили между собой на ее языке, который считался очень изысканным — языком подлинной культуры.

Удивительно, но факт: царский режим обращался со своими художниками, писателями, мыслителями так сурово, что многие, в том числе и Иван Тургенев, в середине века перебрались в Париж, и все-таки именно культура была главным украшением короны Российской империи. Русские музыканты, поэты, драматурги, прозаики того времени — достаточно назвать Толстого,

Гоголя, Достоевского, Пушкина, Чехова и Лермонтова — занимают почетные места в рядах всемирно известных творцов.

Гала родилась в Казани, основанной в 1005 году монголами как военное укрепление на берегу Волги более чем в тысяче и трех сотнях верст к востоку от Москвы. Казань долго оставалась пышной столицей Золотой Орды, но в 1552 году, после упорной полуторамесячной осады, московский князь Иван IV Васильевич покорил ее и присоединил к своему царству, за что и был прозван Грозным.

Почти через четыре века, когда на свет появилась Гала, Казань больше всего славилась своим громадным университетом, где учился Лев Толстой и откуда в 1887 году за участие в студенческих беспорядках был исключен Владимир Ленин. Этот легендарный, манивший к себе дом знаний и талантов, белоснежный храм науки, похожий на афинский Парфенон, господствовал над центром города. Увы, Гала вход в него был заказан, потому что евреям, женщинам и простолюдинам получить высшее образование было нельзя. Зато в стремлениях ее никто не мог ограничить.

В семье Гала, а по-настоящему Елена Ивановна Дьяконова, была второй из четверых детей: брат Вадим, или Вадька, был на три года старше ее, брат Николай (Коля) — на два года младше. Сестра Лидия была младше Гала на семь лет.

Мать Гала, Антонина (урожденная Деулина), добрая женщина передовых взглядов, по профессии была акушеркой. У нее имелось свидетельство на право обучения детей с ограниченными возможностями, а еще она опубликовала серию детских рассказов. Антонина родилась в Омске, крупном городе на юго-западе Сибири, где ее семья владела небольшими золотыми приисками и где Достоевский, после четырех лет каторги за участие в революционном кружке, начал работу над «Записками из мертвого дома»⁵.

Отец Гала, Иван, мелкий чиновник в Министерстве земледелия, отправился разведывать месторождения золота

и сгинул где-то в снегах северной Сибири*, когда ей было лет девять или десять. Этот буйный пьяница нередко поднимал руку на жену и совершенно не уделял внимания детям. Примечательно, что Галя ни словом не обмолвилась о нем в своих незаконченных воспоминаниях — «Интимных тетрадах» (*Carnets Intimes*)⁶.

Вскоре после исчезновения Ивана с Россией случилось нечто столь же страшное и роковое. Воскресным утром девятого января 1905 года к Зимнему дворцу двинулась многолюдная толпа рабочих, чтобы по многовековой традиции вручить государю петицию с требованиями принять меры против нищеты и просьбами о защите. Возглавлял шествие Георгий Гапон; он убедительно, с цитатами из Библии, доказывал рабочим, что царь-батюшка Николай обязательно выслушает их, если они будут вести себя мирно, — ведь это его обязанность перед Богом. Приближаясь к дворцу, люди почтительно говорили: «Государь... мы пришли к тебе за миром и справедливостью». По приказу Николая, игравшего в это время в домино в своей загородной резиденции, Царском Селе, гвардейцы начали стрелять в безоружную толпу, чтобы отогнать ее. Но около шестидесяти тысяч человек, твердо намеренных воззвать к тому, кого они считали своим защитником и покровителем, прорвались на площадь. Дворцовая охрана была уже предупреждена и встала под ружье. Когда во внутреннем дворе Зимнего дворца рабочие опустились на колени, сняли шапки и начали креститься в надежде, что к ним вот-вот выйдет царь, стрельба усилилась. Выстрелы щелкали, казалось, без конца и погубили почти тысячу коленопреклоненных и молящихся людей. Когда же стало тихо, те, кто уцелел, увидели вокруг себя убитых и раненых, ужаснулись, и доверие сменилось ненавистью и гневом. То был момент утраты иллюзий, с какого начинается всякая революция⁷: люди поняли, что император

---

* Бона Д. Галя. — Смоленск: Русич, 1996.

отнодь не святой. Вера в царя-батюшку, на коей с незапамятных времен зиждилась власть Романовых, рухнула.

После исчезновения отца своих детей Антонина, нуждаясь в работе, перевезла семью в Москву и записала Елену, которая до этого получала домашнее образование, в гимназию Потоцкой, где учились девочки из семей интеллигенции. Там девочка быстро подружилась с сестрами Анастасией и Мариной Цветаевыми, будущими поэтессами, чей отец, профессор Иван Цветаев, основал музей имени Пушкина.

Анастасия придумала для Елены имя «Гала», а Марина посвятила ей стихотворение «Мама в саду» из своего первого сборника «Вечерний альбом»⁸.

В знаменитых «Воспоминаниях» Анастасии, опубликованных в 1971 году, Гала предстает маленькой девочкой с поразительным чувством юмора и смехом настолько залившимся, что от него она сгибалась чуть ли не пополам, утыкаясь головой в колени. Но если что-то было ей не по нраву, она могла презрительно фыркнуть, моментально «сорваться с места» и убежать. Анастасия вспоминала, что общим у них было все: люди, склонности, стихи, причуды. О своей подруге она писала так: «Взгляд ее узких, поглощающих глаз, движение волевого рта — и она была милее, нужнее всех, что глядели на меня с восхищением»^{*}. По воскресеньям, когда занятий не было, вся троица уютно устраивалась на белом диване в комнате Марины, «поглощая из кулечка душистые, вязкие цриски»^{**}. Сестры любили рассуждать о том большом, что ждет их во взрослой жизни, — путешествиях, приключениях, литературных успехах. Анастасия писала, что для Гала эти разговоры были точно живая вода. Когда они прочитали повесть графини де Сегюр «Примерные девочки»^{***}, где описывалась жизнь во французском замке,

^{*} Цветаева А. И. Воспоминания. — М.: АСТ, 2010.

^{**} Там же.

^{***} Сегюр С. Ф. Примерные девочки. Повесть для детей / Пер. с фр. Е. Чистяковой-Вэр. — СПб.: М.: Т-во М. О. Вольф, [190-?] (год издания не указан).

Гала стала заплетать свои длинные, до пояса, волосы в косу, подражая героиням книги, — ведь она хотела жить именно так.

«Галя держалась с достоинством истинной гордости, — вспоминала Анастасия, — совершенно просто, естественно, независимо, не снисходя спросить, почему хуже других одета, не снисходя замечать свои платья (то, что из Сандрильон и делает героинь бала, за руку только с Судьбой!)... Мы не спрашивали, где Галин отец, помогает ли он семье»^{*}.

Тяжело переживая потерю отца и крутые перемены в своей жизни, Гала сблизилась и со старшим братом, Вадькой, которого она обожала и с которым до своего вступления в отрочество была не разлей вода. Для обоих летние поездки в гости к брату матери, Артемию, оставались самым отрадным воспоминанием непростых детских лет.

Артемий жил в Томске, университетском городе, заложенном в XVII веке на берегу реки Томь в Западной Сибири, более чем в трех тысячах верст от Москвы. Гала вспоминала, как ей нравилось, когда поезд останавливался на полустанках, где «деревенские продавали жареных диких уток, горячие пироги с курятиной, чудесную лесную малину и землянику» — все это мать покупала детям. В дневнике Гала писала: «Я объездила весь мир, но ничего вкуснее этого не едала»⁹.

Гала горячо любила дядю — и в воспоминаниях рисовала его настоящим богатырем: «Он сажал нас обоих себе на плечи, кого-то третьего на голову и, как будто в этом не было ничего особенного, преспокойно шел, да еще и разговаривал с каким-нибудь встречным взрослым»¹⁰. Артемий, зажиточный купец — у него имелись и меловые разработки, и пасеки, и пастбища, и молочные фермы, — жил по соседству с университетом в приметном деревянном доме, в котором вполне могла бы обитать ведьма из сказки «Гензель и Гретель». Здесь он привил Гала неистребимую любовь к азартным играм,

^{*} Цветаева А. И. Воспоминания. — М.: АСТ, 2010.

пользуясь горошинами вместо денег, научил выигрывать в карты, увлек рассказами о ее дедушке, владельце золотых рудников за шестьсот верст южнее от города. Этот патриарх так пекся о своих артельщиках, что вместе с ними спуускался под землю, где они месяцами жили в невыносимо жутких условиях. Закончив вахту, старатели отправлялись в город, где в безудержном загуле поили лошадей французским шампанским и наводили ужас на обывателей, так что те затворились на все запоры, лишь бы их не тронули¹¹.

Когда Артемий был занят, Гала с Вадькой бродили по дремучим окрестным лесам. Они отыскивали маленьких светлячков, больших улиток с коричнево-перламутровыми полосами на свернутых спиралью раковинах, смотрели, как из мха выглядывают россыпи мухоморов с красными шляпками в белых точках. Больше всего они любили играть в Карла Моора, благородного героя драмы Шиллера «Разбойники», баварского Робин Гуда, отказавшегося от всех своих богатств и ушедшего в лес, чтобы защищать бедных и карать богатых^{12, 13}.

Однажды Вадька решил отправиться на лодке по Томи, и Гала упростила брата взять ее с собой. Вдруг разразилась страшная гроза. Маленькую лодку стало заливать водой. Вадька изо всех сил работал веслами, стараясь увернуться от бушующих волн, которые казались перепуганным детям поистине колоссальными. Гала вычерпывала воду старым, ржавым ковшом. Незадачливым путешественникам несказанно повезло: их случайно заметили рыбаки.

Вернувшись в Москву, они как-то раз до рези в животах объелись земляничным вареньем, которое взрослые забыли на столе, и так разгались, представляя, будто переплывают Атлантический океан в перевернутом вверх ногами столе, — Вадька, конечно, был капитаном, а Гала — его верным матросом, — что соседи пожаловались дворнику. Играли они и в индейцев. Вадька с соплеменниками-однокурсниками вели битвы в парке, а верная скво Гала терпеливо ждала их дома. Однажды

брат пришел «полумертвый, черно-синий, весь в крови». Оказалось, что его, «атамана разбойников», «враги» взяли в плен, запихнули в мешок и принялись избивать палками. Он стойчески отказался просить пощады, и лупцевали его долго и жестоко. Вскоре Вадька сильно разболелся. Тяжелые приступы астмы и хронический бронхит изнурили мальчика так, что на выпускные экзамены его принесли на руках, но, как гордо вспоминает Гала, «он блестяще сдал их». Она грустно отмечала, что Вадька родился «с волей, умом и отвагой вождя. А силенок не хватало»¹⁴.

В царской России тем, кто вдовствовал, было запрещено вступать во второй брак, и всемогущая православная церковь отказывалась благословлять ослушников. Вот и получилось, что Антонина, которая презрела букву закона и через несколько лет после исчезновения Ивана сошлась с Дмитрием Ильичом Гомбергом, стала «падшей женщиной», потому что «жила во грехе».

Еврей Гомберг был известным в Москве юристом с обширными связями. (Потом, уже во взрослой жизни, Гала не упускала случая напомнить, что «деловой хваткой и умением договариваться обязана еврейско-армянскому отчиму, который умудрялся ладить и с царем, и с большевиками».) Антонина с детьми смогли наконец забыть, как страшный сон, голод и нищету, когда переехали в роскошный дом Гомберга, где были и кухарки, и слуги, и гувернантки; все это безумно нравилось четырнадцатилетней Гала, искренне привязавшейся к новому мужу матери.

Там нескладная и неспортивная Гала отделилась от Коли и Лидии, а они смеялись над тем, что у нее не получалось ни ездить верхом, ни бегать на коньках, ни играть в теннис — все эти радости для детей организовал новоиспеченный отчим. «Сестра была такой худенькой и невесомой, — вспоминала потом Лидия, — что, когда мне было десять, а ей семнадцать, я на руках относил ее из ванной в спальню»¹⁵.

Братья Гала болезненно переживали осуждение, выпавшее их матери, которая осмелилась бросить вызов общественным устоям, и ненавидели отчима, хотя и пользовались его щедростью, но у Гала на плечах была своя голова. Ее детская благодарность за безбедную и сытую жизнь выражалась в сильной привязанности к Гомбергу и невинном кокетстве. Долгими зимними вечерами они сидели у пузатой печи: Гала любила слушать, как он читает вслух — Пушкина, Толстого, Лермонтова. Дмитрий не жалел времени для падчерицы, вполне возможно, более, чем нужно, увлекался ею¹⁶, охотно помогал словом и делом и, как вспоминала Гала, так превозносил ее достоинства, что она переживала, способна ли оправдать его большие ожидания.

Когда Гала исполнилось пятнадцать лет, Гомберг оплатил ее обучение в престижной женской гимназии Марии Густавовны Брюхоненко, где она стала одной из лучших учениц и обнаружила большие склонности к языкам. Там она познакомилась с французской литературой и начала узнавать жизнь по стихам и романам. Так образование стирало границу между фактом и вымыслом.

Гала закончила курс одной из лучших в классе, а аттестат ей подписал лично Николай II. С этим документом она имела право преподавать в начальных классах или на дому. Получать высшее образование женщинам и девушкам было запрещено, но Гала все-таки ходила в Московский университет на лекции по литературе и там увлеклась Достоевским, чьи острые поэтические и психологические озарения ее буквально зачаровали.

Лидия очень ревностно относилась к особому вниманию, которое Гомберг уделял ее сестре, туманно намекала, что та была «практичнее нас всех», и вместе с Вадимом считала привязанность Гала к отчиму предательством. Младший сын, Николай, после революции служивший режиссером в рабочем театре, реагировал по-своему. Его неприятие второго замужества матери выражалось в плохих школьных оценках и перепалках с братом и сестрами за семейным столом. В поведении Гала с Гомбергом

он видел выражение свойственной ей жажды жизни. «Мелочный, обывательский дух был совершенно чужд Гала, — вспоминал он. — Жизнелюбие она унаследовала от матери. Наша мать всегда стремилась взять от жизни по максимуму»¹⁷.

В «Интимных тетрадах» Гала пишет о себе как о главной возмутительнице домашнего спокойствия. Однажды вечером ей с братьями позволили прочесть вслух поэму Лермонтова «Демон» — историю о бессмертном злом духе, обреченном скитаться по земле в полном одиночестве, пока однажды он не влюбился в прекрасную княжну Тамару. Тамара, пожалев мятущуюся душу Демона, склоняется в его роковые объятия, но, умерев, возносится в рай, где становится недосягаемой для него. После ужина, на котором подавали яйца «дьябль», зажаренные над огнем спиртовки прямо в столовой, дети ушли спать гораздо позже обычного.

На рассвете, «когда еще непонятно, ночь это или день, — писала Гала, — я проснулась, почувствовав, что возле кровати кто-то стоит. Я подумала, что это, может быть, Демон, открыла глаза и увидела, что и правда, рядом кто-то стоит и тяжело дышит. На всякий случай я притворилась, что сплю. Набравшись смелости, он склонился и холодными дрожащими руками начал гладить мое бледное, худое, еще не сформировавшееся тело. Я закричала. Он испугался и отскочил в темный угол.

Я решила дождаться рассвета, чтобы рассмотреть, кто же пришел ко мне. После поэмы Лермонтова я понимала, что происходит что-то связанное с сексом... Борьба шла, как мне казалось, очень долго. Неизвестный приближался, я поднимала крик, и он шаркался в угол, где его не было видно. Наконец рассвело, и он выбежал из комнаты, закрыв лицо руками. Тогда я и разглядела Вадьку. Меня охватил чудовищный стыд, неясное мне самой отвращение, беспричинное чувство превосходства, и [как Тамара] я от всей души пожалела [брата]. Я неподвижно пролежала без сна до семи часов утра, когда вошла горничная, чтобы будить меня в гимназию. Лицо у меня было

пепельно-серым, вид ужасным, и она стала уговаривать меня остаться дома, но я так упрямо возражала, что она отстала».

После этого случая Гала и Вадька перестали разговаривать. Днем брат делал вид, что не замечает сестру. По ночам же он бывал с ней очень страстен, но «из-за унижения, жалости и наивности никогда не доводил дело до конца»¹⁸.

Гала описывала поведение Вадьки так, что у читателя создается впечатление, будто он все-таки не изнасиловал ее. Удивительно, но, похоже, как и благородной Тамаре, это испытание помогло ей выработать в себе не только сочувствие, но и эмоциональную устойчивость, и твердую веру, что она сумеет все преодолеть. Совсем даром оно все же не прошло. «Эти посещения, — писала она в дневнике, — были крайне мучительны эмоционально, но я никому ничего не сказала. Я хранила все в секрете». У Гала начались нехороший сухой кашель и, вероятно, дисменорея¹⁹.

Весной 1912 года ее отправили подлечиться на Лазурный Берег, где она встретила Анастасию, которая оставила в записях очень теплые воспоминания о том, как ее загорелая, веселая юная подруга забавно хлопала ресницами, щурила свои узкие «китайские» глаза, строила забавные рожицы, поддразнивала «“Аську”, девчонку, играющую в даму», а потом они, от души похохотав, пошли по магазинам выбирать шляпу для Гала.

В Москве у Гала участились приступы нездоровья, перепады настроения, кашель и тошнота. По совету врачей, опасавшихся развития туберкулеза, на семейном совете девочку было решено отправить в новый санаторий, «Клавадель», открытый доктором Бодмером для людей с легочными заболеваниями. Он располагался в немецкой части Швейцарии, прямо над Давосом, курортным городом, описанным Томасом Манном в романе «Волшебная гора» (1924).

ПОЛЬ

В начале XX века каждый десятый житель городов в Европе и Америке умирал от туберкулеза — страшной болезни, от которой тогда еще не изобрели вакцины. Как и многие заведения, где лечили этот недуг, «Клавадель» был чем-то средним между шикарной тюрьмой — его и строили так, чтобы больные, уповая на выздоровление, содержались отдельно и не заражали друзей и родственников, — и курортом класса люкс, где богатые, обремененные заботами, но физически здоровые люди могли отдохнуть в спокойной обстановке. По роскоши он не уступал пятизвездочному отелю.

Гала в одиночку проехала на поезде чуть ли не две с половиной тысячи верст по ледяным равнинам европейской России. Сидя в углу обитого серым сукном купе, она слушала, как трудяга-паровоз, пыхтя, увозит ее вдаль от всего дорогого и знакомого. Позже она вспоминала, как «на грани нервного срыва» все смотрела в окно на холодные дали и сжимала на коленях саквояж с иконами, мягкими игрушками, картами таро и любимыми книгами.

Двенадцатого января 1913 года ее приняли в «Клаваделе» с диагнозом «нервное расстройство». Остальные сорок девять комнат с балконами на юг занимали состоятельные европейцы. Среди них были зажиточные немцы из Германии и Швейцарии,

несколько австрийцев и единственный подросток — светловолосый француз с громоздким именем Эжен Эмиль Поль Грендель. Он был почти одного роста с Вадькой, только чуть сухощавее. Серо-голубые глаза смотрели мечтательно и задумчиво, на губах играла чувственная полуулыбка. Его вид настолько поразил Гала, что она бросилась к себе в комнату и раскинула карты. Ей выпал Рыцарь жезлов (в таро он обозначает Стрельца, астрологический знак Эжена), сулящий путешествия, большую любовь, склонность к творчеству, большие амбиции, и она сразу поняла, что принесет в ее жизнь мальчик, которому предстояло стать самым знаменитым французским поэтом.

Когда шестого октября 1894 года хорошенькая, глазастая Жанна Кузен вышла замуж за Клемана Гренделя, все пятеро братьев жениха приняли ее с распростертыми объятиями. Жанна выросла, можно сказать, на глазах этих очень близких между собой, простых работяг левых взглядов — все они жили в Сен-Дени, одном из ближайших и беднейших пригородов Парижа на улице Дезобри. Они не сомневались, что трудолюбивой и благочестивой невестке будет хорошо с добрым и щедрым Клеманом. Он к тому же был и самым образованным в семье. Их отец, строительный рабочий Франсуа Барнабе, погиб от рук грабителей, пробравшихся на стройку, и Клеман решил, что трудиться в конторе гораздо безопаснее. Он сделался счетоводом.

Молодожены, не мешкая, перебрались в маленькую квартиру на бульваре Шатодюн, 41, напротив школы Сен-Дени, и без четверти полдень четырнадцатого декабря 1895 года там родился долгожданный мальчик, плод их молодой любви. Через два года жизнерадостный малыш едва не погиб от гнояного менингита, и только тогда, вняв упорным настояниям Жанны, Клеман, не жаловавший церковников, согласился окрестить сына. Таинство совершилось в церкви Сен-Дени-де-л'Эстре первого января 1897 года.

Гренделей отличала предприимчивость. У Жанны было небольшое ателье, и каждое утро она брала Жежена с собой

на работу, где он играл на полу закройной комнаты. То счастливое время он описал в стихотворении, посвященном Коко Шанель²⁰:

Иголки полудня
 шьют шелковый шлейф рассвета
 И я свою молодость вижу
 Среди мимолетных красок*.

Клеман же заметил, что в Сен-Дени растут цены на недвижимость, начал весьма удачно покупать, продавать и застраивать участки в этом районе и к тридцати годам успел сколотить вполне приличное состояние. Совсем скоро Жежен, его «маленький беленький пирожок», будет иметь все, что ему хочется. А дорогая Жанна станет свободной и посвятит себя воспитанию их единственного сына, чье слабое здоровье очень волновало семейство Грендель — и особенно самого Эжена, который хорошо запомнил свою детскую болезнь и рос, переживая, что на всю жизнь останется хилым и ни к чему не годным — «бесполезным и незаметным».

Миловидный, но слабый здоровьем мальчик стал прилежным учеником. В шесть лет он уже приносил домой отличные оценки по литературе, арифметике, родному языку. На воскресных семейных обедах довольные родители упрашивали его прочесть наизусть лафонтеновские басни: «Ворона и лисица» или «Стрекоза и муравей». Позднее он будет вспоминать, что выступал «ужасно — чувства драмы у меня не было, я бубнил себе под нос и старался закончить как можно скорее», но маленькому Жежену нравилось находиться в центре внимания. Любил он и всяческие культурные развлечения: походы в театр, музеи, на поэтические чтения Бодлера и Мариона, организованные М. Влабелем. Он полюбил искусство иллюстрации,

* Перевод на русский язык М. Вахсмахера. В сб.: Элюар П. Стихи. — М.: Наука, 1971.

особенно работы Обри Бердслея, и сам охотно изображал прекрасных дам в изысканных нарядах и необычных мехах. В шестнадцать лет Эжен занял первое место в конкурсе по английскому и для усовершенствования языка был награжден поездкой в Саутгемптон. Там, в вольной атмосфере английского портового города, он набросал свои первые стихи. Жанна и Клеман от души радовались достижениям сына. Оба, однако, ничуть не сомневались, что, получив аттестат зрелости, их яркий, талантливый мальчик станет надежным помощником своего процветающего отца, вот только самого Эжена такая перспектива отнюдь не прельщала.

Зимой того года Жанна и Жежен поехали отдыхать в Глион, маленький швейцарский городок близ Монтре, известный своим чистым, целительным воздухом. Эжен жил вместе с матерью в залитом солнцем номере викторианской гостиницы, с удовольствием фотографировал виды Женевского озера своей новенькой камерой — и однажды утром насмерть перепугал родительницу фонтаном крови, хлынувшим у него изо рта, когда он чистил зубы.

После спешных консультаций с несколькими врачами в Сен-Морице, Монтре и Лозанне девятнадцатого декабря 1912 года мать с сыном приехали в «Клавадель». Жанну сразу же покорили уверенная заботливость доктора Бодмера и элегантный стиль клиники. Муж не возражал. «При хорошем уходе, не говоря уже о прекрасном питании, он поправится, наш мальчик непременно вылечится к концу зимы», — с облегчением написал он измученной жене, и она со спокойной душой оставила сына на врачей, а сама села в поезд и отправилась в любимый Париж и в объятия Клемана.

В семнадцать лет Эжен был застенчив, избалован и совершенно оторван от внешнего мира. Отдыхал он исключительно в окружении теток, дядей, братьев и сестер разной степени родства: на Пасху в семейном доме в Нантере, а летом в Бре-э-Лю, в департаменте Валь-д'Уаз. Дома он частенько сидел в кухне, с бабушкой, прирожденной кулинаркой — ее пирогами

лакомилась вся семья. А в престижном лицее Кольбера, где он удостоился стипендии, друг у него был только один — Фернан Фонтен, погибший потом в бою в Первую мировую войну.

В первое время Эжену было очень одиноко среди немцев намного старше себя, к тому же говоривших на совсем не понятном ему языке. Заприметив изящную, жизнерадостную молодую девушку из далекой России, он отметил ее золотисто-карие глаза и мужские повадки. Ей было восемнадцать лет, она была всего на год старше его, а самое главное, говорила по-французски.

Случайное знакомство стало счастливым еще и потому, что Гала оказалась порывистой, живой, на редкость прямолинейной, и эти черты Эжен находил необычайно очаровательными. Когда она заявила, что лучше проведет время с простым садовником, чем с «мужчиной с претензиями», потому что таких терпеть не может, и добавила, что «не собирается мириться ни с какой глупостью», он восхитился ее решительностью. А когда она прочла только что написанные Эженом стихи, прошила его своим необыкновенным, пронзительным взглядом и уверенно заявила, что он станет великим писателем, юный поэт сделался совершенно счастливым.

Случайный фотоснимок, запечатлевший их встречу, красноречиво говорит об их отношениях. Эжен будто знал, что их будут фотографировать. Он был одет как истинный денди. Отлично скроенный твидовый жакет с большим мягким бархатным галстуком-бабочкой, волосы, уложенные на прямой пробор а-ля Оскар Уайльд. При вспышке камеры он притворно зажмурился. А вот Гала, очень серьезная, даже чуть недовольная, получилась с полуоткрытым ртом, будто что-то приказывает; сидя на подлокотнике кресла-качалки, она склонилась над Эженом, словно хочет его защитить. На ней свитер ручной вязки с высоким воротником. Маникюр ее безупречен.

Гала и Эжен стали неразлучны. Освободившись от еженедельных тщательных плановых осмотров, измерений

температуры, рентгеновских обследований, ледяных душей, они рука об руку прогуливались по заснеженным окрестностям, бродили в туманных скалах, искали вороны гнезда в высоких елях, которые росли по берегам скованных льдом озер у подножья горы Гюнтер.

В послеобеденное время они нежились на приставленных друг к другу шезлонгах в застекленном солярии, потягивали лимонад, ловили зимний загар, перешептывались, и время, казалось, то бежало, то еле тащилось. У них появился свой словарь: когда что-то волновало или радовало, они говорили «хи-хи-хи». В тихий час, когда все пациенты должны были соблюдать режим молчания, чтобы дать покой бронхам, Гала и Эжен тайком обменивались записками. По вечерам в столовой их ждали шампанское Piper-Heidsieck, фортепьянная музыка и пламя свечей.

Как-то раз во время отдыха Гала набросала рисунок, а Эжен заинтересовался и спросил ее, что он значит. Это был сделанный фиолетовым карандашом, в стиле кубизма, профиль молодого человека, очень похожего на Эжена, прикрепленный к загадочному слову «триангулизм»²¹. Ниже Гала аккуратным почерком вывела: «Портрет молодого человека. Семнадцатилетний поэт». Когда Эжен тихо спросил: «Кто это?» — она шепнула в ответ: «Сегодня вечером ты со мной ужинаешь». «Слушаюсь и повинуюсь», — просиял он.

В поэме в прозе «Разделенные ночи», посвященной Гала через двадцать лет после ее ухода к Сальвадору Дали, Элюар написал, как ему хочется, чтобы их все еще радовал тот волшебный вечер:

Почему не могу я, как прежде, во времена моей молодости, объявить,
что я ученик твой, почему не могу я, как прежде, согласиться с то-
бою, что нож и предмет, рассекаемый им, между собою согласны.
Фортепьяно и тишина, горизонт и равнина*.

* Перевод на русский язык М. Ваксмахера. В сб.: Элюар П. Стихи. — М.: Наука, 1971.

Гала, превосходя Эжена и в образованности, и в светскости, была добрым и щедрым наставником. Она охотно рассказывала о том, что знала в современной литературе, о горячо любимых русских символистах. Особенно ей нравились критик и прозаик Андрей Белый и его друг, поэт Александр Блок, которые любили одну женщину и которых любила она сама, потому что и тот и другой напоминали ей о родной стране. По стихотворениям из привезенных с собой сборников она увлеченно разъясняла Эжену тонкости французской поэзии. Когда речь заходила о том, что творится в мире, Гала признавалась, что очень боится, как бы допотопная система взглядов и убеждений правящих классов не привела к катастрофе. В разваливавшихся восточноевропейских империях становилось все беспокойнее, а система баланса сил²², созданная Меттернихом, явно давала сбой. Война была неминуема. Эжен утешал Гала насмешливыми стихами:

Не в силах на путь неизведанный ступить,
Старушка Человечность готова была сгинуть*.

Гала влюбилась не на шутку. «Если я все время проводила с тобой, — писала она в одном из страстных писем, которыми пара обменивалась и два года спустя, — так это потому, что была уверена, что с тобой — ведь я люблю тебя — все чисто, красиво и правильно». Рядом с ним она чувствовала себя как в раю: «Мне нужна твоя нежность... ничуть не жалею о наших ласках». Эжен, в чад любви и пылу творческой лихорадки, задумался о смене имени. По совету Гала он отказался от тяжеловесного «Эжен Эмиль», взял легкую, мелодичную фамилию своей бабушки, и на свет появился Поль Элюар.

В Давосе, куда они отправились за костюмами для бала-маскарада, который затевали в «Клаваделе», они купили

---

* Перевод на русский язык О. Дудкиной.

круглые гофрированные воротники и белый грим. Поль превратился в Пьеро, любимого героя поэтов-символистов, а Гала предстала вовсе не Коломбиной в балетной пачке, а тоже Пьеро — двойником Поля²³. Она учила его все превращать в поэзию. Вдохновившись примером Блока, чьи откровенно эротические стихи от имени Пьеро взбудоражили литературную Москву, Поль стал писать о себе как о жаждущем секса, но непорочном романтике. Он даже стал называть себя шутком Гала: это была отсылка к «Женщине и паяцу», роману символиста Пьера Луиса* об одержимости плотскими страстями.

* * *

К ноябрю 1912 года, прожив в «Клаваделе» чуть меньше года, под чутким приглядом Гала Элюар написал около сотни рондо, баллад и сонетов, в том числе «Пьеро», «Баллада о белом Пьеро и Уроде» и «Мокрый Пьеро». Его мать взялась напечатать первую книгу сына у издателя Эймара, с которым Поль познакомился минувшим летом, когда ненадолго приезжал в Париж. Первого декабря 1913 года «Первые стихотворения» Поля Элюара Гренделя, том в сто одну страницу с гравюрами некоего Циолковского и единственной репродукцией рисунка Бердслея, вышли в свет и удостоились скромной похвалы; журнал *Revue des Oeuvres Nouvelles de la Littérature et du Théâtre* назвал Поля «молодым поэтом, переполненным идеями».

Жанна была очень недовольна. На ее взгляд, поэзией, как и актерством, тщеславные люди занимались от нечего делать. И ей, и ее супругу хотелось, чтобы сын был здоров, твердо стоял ногами на земле и занимался чем-нибудь солидным и почтенным. Но увы, когда на следующее лето она навещала Эжена в «Клаваделе», тот почти не замечал ее, зато напропалую нежничал с Гала. «Маленькая русская», со своими иконками и гадальными картами, явно ужасно влияла на мальчика.

* Пьер Луис. Женщина и паяц. — СПб.: Вита Нова, 2015.